

ЛЕГЕНДЫ ПУЧИН

СЕРГЕЙ СУПРЕМОВ

Сергей Супремов
Легенды пучин

«Издательские решения»

2015

Супремов С.

Легенды пучин / С. Супремов — «Издательские решения», 2015

Юристом Ди не движет поиск истины. Все проще — он знает, где покоятся базальты, инкрустированные золотом, мраморные сундуки с камнями Огро. Религиозный фанатик-капитан потопил золотые миллионы, чтобы освободить человечество от распрей и крови. Но Ди не верит в мораль.

© Супремов С., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Наследство капитана	6
Притворный маяк	8
Главная в джинсах	11
Картель в действии	13
Заветное письмо	16
Майер-ловец	20
Вера и одиночество	25
Одежда для хвоста	26
Не шлепать хвостом	28
Ульрике	32
Не бессмертный	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Легенды пучин

Сергей Супремов

© Сергей Супремов, 2015

© Сергей Владимирович Сурган, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Наследство капитана

– Наставления он давал достаточно четко – ничего про будущее, его волновало только сейчас.

– Тогда что-то нетипичное, какое-нибудь отступление от нормы? – тетя надвинула очки и снова стала бегать глазами по записям Дитера.

– Или у тебя украли билетик в жизнь – сказала она со вздохом.

– Получается так, черт побери! Всегда у него под ногами путались прихлебатели, может и рассказал этому бразильеро... – Дитер оценил выражение тетиного лица и признался:

– Окей, маловероятно!

– Не мог капитан не оставить напутствий. Раз он удерживал на судне такого бездельника, столько вложил, тому была цель.

Сколько не силился, Дитер не мог вспомнить чем наставлял его капитан – все больше тот был недоступным, непонятым, говорили, что добрым, но Дитер мнение не разделял. Однажды, прямо в море у капитана начал звонить мобильник. Когда звонящий представился, капитан развернулся на каблуках и уверенно проследовал в кубрик, оставив люк приоткрытым. Кроме Дитера этот эпизод никто не видел, поэтому юрист прокрался к кубрику и в щель увидел, как капитан, сидя к нему спиной запустил на ноутбуке ...фильм. Подошел через десять минут, все то же кино. Тогда юрист, отложив швабру, стал всматриваться. Сам по себе фильм не привлек бы внимание Дитера, но факт того, что кто-то дал распоряжение капитану, было непривычным. На экране мелькало художественное кино про пиратов с каким-то не замысловатым сюжетом, и Дитер загадал, что попав на большую землю раздобудет эту запись.

Второй день по возвращению в Германию он провел в библиотеке между журналами про авто и каталогом киноискусства. Пожилая библиотечарша то и дело отвлекала Дитера от характеристик современных машин и подсовывала карточки с названиями старых фильмов пиратской тематики – довольно много, больше сорока штук. Иных лент уже не было ни в прокатах, ни в интернете, его тетя так и говорила – информация скрытая от обывателя. Один из фильмов был родом из Советского Союза и рассказывал о пиратах конца двадцатого столетия, вспомнив о русских корнях капитана, Дитер заказал копию, взгляделся в актеров – нет, тогда на корабле он видел другое. Из лоскутков воспоминаний юрист мог составить, что моряки в фильме рассматривали на скальном изображении русалки. Поиск сузился, но библиотека к тому времени закрывалась.

Ночной интернет-променад подарил Дитеру подсказку от девочки японки, которую Дитер отыскал через хвостато-чешуйчатые анимешные картинки. В Японии много детей тотально подсевших на какую-то нить, подпитываемую шоу-индустрией: мистические аниме, комиксы или компьютерные игры. Йоко оказалась фанатом русалочьей темы, и по уверениям, сама являлась взаправдашней русалкой. Кино, на которое она указала – «Легенды пучин», оказалось прилично авангардным, даже абсурдным для 70-х годов двадцатого века, но фрагмент, который Дитер подсмотрел на Антравестике был оттуда. В фильме матросы толковали, что русалки, если не поддаться их чарам, могут выполнить желание. Хвостатые девы хоть и не феи, но в

свободное от ныряния время промышляют магическим промыслом. Из-за родового дефекта ног и трудностей передвижения по суше, русалки наделены знанием в большей степени, чем пешие существа. В кинематографическом опусе девы наставляют пешеходов о том, что следует искать и где, при этом все они, как одна, сидели на деревьях, свесив хвосты вниз.

Дитер понял, что чешуйчатые оракулы не возымели популярность волшебной палочки из-за этой вот трудности – одно дело получить желаемое здесь и сейчас, и совсем другое, приложить усилия, идти куда-то под деревья, ждать, и не плюнуть на все, считая что искомое недостижимо. При такой сложной постановке вопроса люди теряют интерес прямо в начале.

Как прирожденный лис, Дитер чувствовал, что попал на след, но вставал вопрос, где русалки могут встретиться в наши дни? Интернет до краев забит конспиративными теориями, но толком ничего не знает. Юрист стал догадываться, что весь шум с красивыми девчонками на деревьях, лубочными статьями то тут, то там, фильмами, за историю кинематографа замусолившими эту тему до дыр, может быть результатом спонтанного и в силу этого, постоянно развивающегося сценария. Но кто его не умирающий автор? Что если отправиться туда, где вбрось был недавним и пошерстить так, как он умеет? Последняя датированная статья на тему хвостатых женщин была из немецкого города Грюнсвальда на берегу Балтийского моря. Строительство русско-немецкого газопровода, пролегающего по дну Балтики, угрожало подтоплению древнего маяка, который назывался «Маяк русалок». В заметке содержалась краткая история маяка, который сыграл важную роль во Второй мировой войне и помог союзникам в освобождении Восточной Германии. Внизу располагалась фотография упомянутого сооружения, под которым тесной группой расположились улыбчивые женщины. В подписи к фото утверждалось, что это рабочий коллектив морского музея, расположившегося в маяке.

Притворный маяк

Поскольку за минувшие полгода продолжения темы, поднятой Кэйт Зиммерфельт не последовало, возникала мысль, что подтопление это чей-то ненужный страх или тети хотели попасть на страницу газеты, а может кто-то из них баллотировался в местный штатрат (городской совет). Дитер знал что и экологические организации должны напоминать о себе, лучший и самый дешевый способ, это высказаться о возможном разрушении, осушении или потопе. Юрист помнил о пикетах, которые выставляли зеленые, когда строился Крост-Хаус шлось – проблему сваяли на пустом месте, но три газеты со спортивным энтузиазмом выстрелили обвинительными статьями. Прогресса у истории с Крост-Хаусом так и не вышло, экологи не сумели предоставить факты и жонглировали давно не обновляющимися гипотезами. Может и Грюнсвальдский маяк был в полном здравии, но было интересно угадать какая из этих женщин с фотографии и есть та самая фрау Зиммерфельт. Дитер без труда примерил на себя роль оценщика морских и портовых сооружений и написал редактору газетенки письмо, что хотел бы познакомиться с Кэйт и предложить ей свои услуги по оценке исторического ущерба маяка. Ответ пришел в тот же день – редактор, тоже женщина, без комментариев прислала адрес электронной почты Кэйт Зиммерфельт, внештатного корреспондента.

Через день Дитер был в Грюнсвальде и врал фрау Зиммерфельт, что является морским оценщиком. Та обрадовалась и поволокла его на Маяк русалок. Дитер старался выглядеть заинтересованным, задавал вопросы, но вместо этого услышал, что на севере от Грюнсвальда есть местечко с отелем на берегу залива – Кюнель. «Если повстречаете русалку, то она поприветствует вас „Кюнель“, вы не пугайтесь...»

Первый день в Грюнсвальде, и он сразу обратил внимание на совпадение; опять он ищет в морской стихии: взрослая история его жизни началась с моря, туда же она и возвращается. Каким он изменился в сравнении с тем днем, когда очутился в порту Сингапура?

«...В наши дни девы моря объединены женским движением по защите окружающей среды и получили легальные права проводить охранную деятельность. Особенно заметно все стало, когда в Германию протянули подводный газопровод из России» – с огоньком в глазах заявила Кэйт.

Все номера с ванными оказались забронированы, остались только с душем. Надо думать девам моря надо отдыхать в привычной среде, а мужчины вполне постоят под прыскалкой. В городском баре, возле ратуши, выступает сильно разукрашенная певица в костюме русалки, и все перемещения по сцене выполняет цепляясь за канаты и поручни. Хвост у нее не как рисуют, а достаточно подробный и повторяет женские формы, Дитер оценил. На стенах фото в рамках – два ежегодных городских парада включают представления пловчих в передвижных прозрачных бассейнах. Кэйт трещала без умолку. Гость не имел намерения заигрывать с девушкой-активисткой, хотя она вовсю отпускала шутки, в том числе в его сторону, что весьма смело для первого знакомства, но «о», учитывая ее пресную внешность. Казалось, она бросала вызов всем в этом баре, испытывала на уязвимость. То, как Дитер воспринимал ее небылицы, отвечал на шутки, подсказало бы ей все, что она хотела о нем узнать. В мужчине вспыхнуло любопытство: как активистка повела бы себя отпусти он свою сальную шутку или легкий мужской намек.

«Что если попробовать, а?» – мелькнуло у него на миг.

На стене прямо над ее головой висело любопытное фото, не про хвостатых, но тоже про слабый пол – над океанским заливом нависает скала в которой вырублена скульптура женщины

со сложенными у груди ладонями, лицо каменной леди не показано зрителю и на две трети обращено к морю, ее внимание обращено к простору вдаль. Когда Кэйт повернулась к официантке, профиль ее невыразительного лица с резонировал с тем, что было на фото. Дитеру хотелось верить, что каменная дева куда красивее, ибо скульпторы некрасивых не изображают. А профили нередко обманчивы.

– ...Другим хочется подражать, как этой вот певице в баре. Кто их разберет, где правда, а кто врет?

Мужчина спохватился, что пропустил все что ему говорили. Легкий тон рассказчицы позволял алкоголь, Дитер только беспокоился, что может заступить за норму, но дал себе обещание не больше двух бокалов Кампари.

После пятого он отважился затмить бравурную Кэйт своей неподражаемой морской балладой, поставив себе называть в ней имен и не указывать на себя. Активистка пришла в восторг, сделала большие искренние глаза и подлила ему в бокал, плавно преображаясь в его глазах в красавицу. Хотя в ответ на распахнутую душу Дитера сама она притихла.

– Я буду за тобой следить ... – погрозил Дитер пальцем перед ее лицом, – весь вечер плела всякую чушь, а про себя ни чуть-чуть. Имею право узнать путем непосредств...ого наблюдения!

– Ха, да ты вызываешь не меньше вопросов своей оценкой – все на словах, без цифр, больше похоже на протокол, опись какого-нибудь изъятия или находки вещ доков, городской суд пригласит экспертов из Берлина, они и слушать не станут без заключения комиссии, ты же ведь не комиссия. Газопровод строит бывший Канцлер Германии, в его штате лучшие мировые специалисты по установке сооружений на океанском грунте, это тебе не шутки! А с тебя сегодня довольно, много поработал. Пойдем-ка доведу до такси, эксперт.

На следующий день, далеко после обеда Дитер потащился в офис «Потока», чтобы отыскать подходящего инсайдера и насколько возможно его разговорить. Способность угадывать идейно близких завсегдатаев значных мест не подводила Дитера не в трезвом, не в сумеречном состоянии. У красномордого дядьки, изображающего сосредоточенность и тягу к работе, каска шахтера сползла набок, в движениях и бормотании себе под нос также угадывались признаки похмелья. Оставалось определить крупная ли он птица. Манфред оказался из среднего звена, но знал достаточно, чтобы раздувать щеки. Вечером Дитер поволок нового приятеля в Ириш паб. Манфред заранее дал себе установку не звенеть о стройке и на первый же вопрос прямо сказал, что вред чертову маяку равен нулю и весь бабский гвалт есть махинации адвокатских контор, чтобы «отжать с фирмы евросов», а его лишить премиальных.

– Если бы повстречал я того юриста, своими руками бы вот так! – Манфред преобразился в вождя красных морд и смачно показал, что в его крупных ладонях произошло бы со служителем права. Дитер торопливо повторил, что он эксперт по старинной архитектуре, но будь он юристом, то подзаработал бы рядом с дугой, которая неизбежно возникает от близости русской трубы и немецкого канцлера и полна разными приятными возможностями. Сейчас же он щелкает на камеру древности, сравнивает как тогда и что сейчас.

– Эта вот тоже морской съемкой увлекается, ага ... а в газете все переврала, стерва ... дался вам этот маяк, он лет триста простоит и не чихнет! – Дитер плавно и без усилий узнал, что за две недели до него, с Манфредом познакомилась Кэйт. Быть вторым уже не тот кайф и грусть стала хватать юриста за грудки. Дитер бы совсем раскис, если не неожиданное откровение Манфреда, что захмелев он поплелся за журналисткой на набережную, долго искал куда она

пропала, а когда увидел то от радости полез обниматься и нащупал, что ноги у Кэйт спаяны намертво и это не иначе как хвост.

– Ты никогда не встретишь русалку в джинсах! – этих слов красной морды Дитеру хватило чтобы просветлеть в лице.

Главная в джинсах

Какого было разочарование, когда во время завтрака в «Балтике» он увидел, что Кэйт пришла в джинсах и ее ноги мало чем отличаются от ног других представительниц пола, разве что более полные.

Кэйт подбирала во что одеться, это стало заметно потому, как ловко она избежала тупика, в который Дитер хотел загнать ее вопросами о наряде.

– Почему американские джинсы, не европейские? Все чепуха, что «Левайс» делают у нас ... да, написано Made In Germany, но вся выручка-то идет в Штаты. С твоих джинсов наше государство имеет только налог с продаж. Мы ко всем чертям распродали свой патриотизм, меняем BMW на дешевые шмотки, кормим всю Европу, а куда сливается наша экономика?

– Не обращая внимания на патетический фонтан, девушка чувствовала, что вот-вот собеседник нащупает рычажок и переключится от джинсов, к тому что под ними.

– Эксперт, от штанов хочу вернуться к исторической архитектуре моей родины. Может возникли идеи как остановить вредную стройку? Я спрашиваю серьезно; одна некомпетентная статья с моей стороны может потянуть судебное разбирательство, мою работу оценят как клеветническую, так что сейчас мне дешевле послать тебя подальше! Я до этого хорошо...

Дитер выставил перед собой ладонь. Он произносил слова отчётливо, будто заготовил и этот вариант ответа: ему необходима встреча с главой комитета по защите бухты Кюнель, кто, как не эта дама должна знать подробности, которые эксперту крайне интересны. Про себя Кэйт начала его жалеть, парень заступил слишком далеко. Она подумала, что молодому человеку лучше всего покинуть Грюндсвальд и чем раньше, тем лучше:

– Если знаешь запах смерти, это поможет опередить, когда она стоит за спиной. Помни этот аромат, один раз тебе это обязательно пригодится.

Дитер принялся, встрепенулся от неожиданной фразы, заерзал на стуле, быстро и бес-связно задвигал руками, потом что-то вспомнил, распрямил плечи и достал сигарету. Прикур-рил от чайной свечи на их столике и стал пускать дым не в сторону, а в пространство между ними, создавая клубящуюся стену, так что глаз его стало не видно и Кэйт могла слышать только довольный голос:

– Женские экстремисты назвались картель русалок и собрали для себя батальон близо-руких мужчин. Картель знает, что отдав батальону себя, жадюги начнут просить ещё. Но когда кто-то просит, он только наращивает долг. Это не про меня, Дитер долги отдал!

Дым рассеялся и стали видны прищуренные глаза и ехидная улыбка человека, зацепив-шегося наконец за хвост удирающей правды.

При других обстоятельствах и с другим собеседником у Кэйт отняло бы больше времени принять решение. Но самозванец напросился на черное приглашение. Она восхитилась энту-зиазмом, с каким он записывал в свой блокнот, переспрашивал как добираться на остров в пяти милях от маяка, и где находится дом Беатрис. Подробно разузнал про паром, который выса-живает туристов на косе для прогулки и забирает ровно через час.

– Вон, погляди за окном, тот вон голубенький паромчик! Запомни, голубенький, он такой один. Как не видишь?

Кэйт резко встала и направилась к окну, по пути сунув двадцатку официанту. Дитер последовал за ней и начал вглядываться в залив с десятком разных судов и яхт. Она не ожи-данно взяла его за плечи и повернула градусов на тридцать, направляя внимание на холм, под которым также блестела вода залива. Но и тогда юрист не понял какой из кораблей ему нужен.

– Что, и не слышишь ничего?

Дитер отрицательно покачал головой, а Кэйт устремив взгляд в сторону бухты, произнесла на манер поэмы:

– Шёпот смерти достигает младенца,

Но уши крохи приветствует первый звук как начало,

Что возникло сразу после конца.

Так начинается же..

Она недоговорила, сделала испуганные глаза, двумя пальцами шлёпнула себя по губам и шумно взяла воздух ноздрями:

– Ой-й, её о тебе надо предупредить! Дама должна одеться – наряд, как понимаешь, это важно. Все, побежала, ты как-никак эксперт, разберёшься! ...Да, поторопись, не успеешь на полуденный, следующий только завтра.

Картель в действии

От косы около мили пришлось плыть на моторке к острову, на котором виднелся кусок жидкого леса и гора щебня выше верхушек сосен повествовала что на острове стройка. Кроме рабочих на таких кусочках суши никто не обитает. Он все еще помнил как оказался в моторке: усатое существо неопределенного пола пришло встречать его к парому. Женщина в сине-красном комбинезоне, загримированная под усатого мужика, не стала дожидаться пока Дитер к ней приблизится, развернулась к нему спиной и зашагала к моторке. Походка нарочито небрежная, повторенная до этого с десятков раз, но не наизусть. Не представляясь, она буркнула, чтобы Дитер тут же, в моторке переоделся в форму рабочего из «Потока», дабы не навлекать подозрений. Пока Дитер гадал, как тут переодеть штаны, у усатой дамы зазвонил телефон. Он сел спиной к говорящей, делая вид что борется с ширинкой, а сам вслушался. Голос на том конце, стараясь быть тихим, но неплохо выдавал шипящие, из которых Дитер домывливал фразы: нет родителей, проходила по делу, за мужем, один ребенок. Он подумал что речь о женщине, к которой картель присматривается или хочет выгородить, а может и так... Тут, переключаясь мелочь из карманов своих джинсов, его ошарашило что пропал блокнот. Осознание потери, внезапно мелькнувшие в памяти руки Кэйт на его плечах, глупый вопрос о том, что он слышит – все это прошибло его по самые пятки. «Украла. Пять сотен в задней обложке и ... о Японский Бог! Из блокнота можно накопать так, чёрт возьми, много ... так много, что не приведи Божья Мать!»

Встречный ветер дал расслышать еще одно слово – «дамба». Это сработало будто заклинание, вызывающее дракона из пещеры. Единственная тяжелая вещь в его сумке – бутылка коньяка. Дитер вскочил и что было сил треснул по голове усатую проводницу, и хотя удал пришеглся вскользь, та рухнула на дно посуды. Он стал обшаривать лодку и лисье чутье не подвело – в мотке веревки был припрятан браунинг. Ее мобильный телефон опустился в его карман, а обмякшее тело в комбинезоне наскоро связал по рукам и ногам. Пока Дитер нервничал и судорожно соображал что дальше, гермафродит очнулся и стал бубнить какую-то молитву на непонятном языке – голос глубокий, таким поют оскотпленные монахи. Внезапно вырвалась фраза на немецком:

– Мы волнуемся и не знаем, что принесёт нам завтра, и не передаст ли следующая минута. Мы повторяем себе, что если не позаботимся сами, кто еще подумает о нас!

– Связанные нижние конечности существа произвело в воздухе какой-то фокус: невероятным образом соединенные вместе ноги стали двигаться не только взад-вперед, но и с такой же амплитудой вправо и влево. В следующий миг Дитер вылетел из лодки получив точный и крепкий удар в шею. В полете через борт, ему показалось, что выбил его мощный рыбий хвост. Плашмя этот же хвост сильно ударился об воду, стараясь оглушить Дитера, но парня спасло «холодное японское лето», которое позаботилась изменить или вовсе удалить из организма многие условности генетики, не оставив без внимания трансформацию. барабанных перепонки. Со связанными руками и ногами, но уверенное в своей победе, существо прыгнуло за борт и стало скрываться в глубине, а несчастный юрист четверть часа не мог взобраться на лодку, соскальзывая в последний момент с бортика, и матерясь на все Балтийское море. До сумерек он лежал калачиком и дрожал, накинуд на себя все тряпье. Ближе к одиннадцати, когда на июньском небе зажглись звезды, но было хорошо видно где море, а где небо, Дитер на веслах принялся огибать остров, опасаясь напоротья на засаду могущественной амфибии.

Когда взошла луна, изголодавшийся и уставший он выбрался на узкую полосу каменистого берега. Зацепившись за лес, луна отчаялась передать свой свет его темной шевелюре, и протянула свои серебряные лучи к камням и волнам. Дитер сжимал в руке браунинг и шел,

куда вел лунный путь. Вскоре, вблизи воды и спиной к нему, он разглядел свою мучительницу, в свете луны похожую на женщину солидного возраста. Она что-то ела со странным скрежетом и глотала не жуя – мерзкая сцена заставила Дитера выпрямить руку с оружием и окликнуть.

– Ты и есть Беатрис? Что за акцент, ты датчанка?

Все так и оказалось. Дитер приблизился со словами, что оставшись здесь в таком виде, Беатрис попадетсЯ строителям газопровода и добавил, что если датчанка поможет, то он заявит что они пара, которая заблудилась на катере.

– Никто не должен этого видеть, людские глаза все оскверняют! – сказала Биатрис глядя на свои рванные джинсы, – что ты увидел русалку, не сделал фотографий, видео – сказкам сейчас не верят. Но без труда докажут, что убил женщину, иностранку. Браунинг, оружие в Германии редкое, искать будут целым миром и что-нибудь найдут. Я же проглотила кусочек пластика с твоим именем, и что ты виновник аварии на дамбе...

Мужчина с пистолетом объяснил, что ему не интересно выдавать Биатрис, а ей вовсе не стоит подставлять Дитера и он уверен, что они скоро найдут общий язык. Его мало волнует этнография, мифология, миграция и подобная чушь связанная с русалками, или как они там себя называют, он и сам из небесной касты – побывал на божественном корабле и видел то, во что сейчас сам отказывается верить. А так же, что пожил в комнате льда на берегу Японского моря и знает смерть с той стороны, мистики ему хватит на много жизней вперед. Но у него имеются вопросы про сейчас. Потому, как сложно было найти Биатрис, он верит, что женщина-амфибия может ответить или указать на сокровища, которые опрометчиво потопил его капитан. Из команды «Антравестики» в живых остались только он и бразильский парень. Рауль знает о сокровищах больше него, и как только найдет деньги на экспедицию, отправится их доставать.

Биатрис вздохнула со словами, что сокровища не делали людей на долго счастливыми, а всегда наоборот. Уж лучше не иметь сокровищ, чем получив их, потерять, и до конца дней истязать себя памятью об ускользнувшем счастье.

– Твой капитан знал это слишком хорошо! Он был великим человеком, если отважился на дар пучинам – мало смертных способны противостоять соблазну золота.

Ночь разрезал звук sireны и со стороны, откуда пришел Дитер, послышались голоса.

– Нашли мою лодку! Плохо прятал – Биатрис не покидая своего места кивком показала, что браунинг лучше выкинуть в море. Одновременно она отстегнула от пояса ножны, которых Дитер не видел из-за комбинезона. В мгновение ока в ее руке заблестел кинжал, которым она быстро, но аккуратно стала резать на себе одежду. Поневоле Дитер отвел глаза, но пистолет бросать не решился.

– Что ты делаешь? Я не хочу тут оправдываться... да прекрати же!

Охранники «Потока» окружили их кольцом, как раз перед тем как в море полетел сначала кинжал, потом браунинг. Увидев немолодую женщину в сплошь изорванной одежде и молодого человека в рубашке и мокрых джинсах, охранники сначала стали крутить Дитеру руки, но поняв, что дама ни на что не жалуется, стали один за другим посмеиваться и отпускать сальные шутки. Дитера обыскали, посветили в паспорт фонарем, и заявили, что этот остров – частная собственность, а не курорт для влюбленных. При этом заготовили все, как один. У Биатрис из документов нашлись водительские права, выданные в Дании и главный охранник присвистнул, сказав, что бы если не иностранка, сейчас бы оба поплыли под луной домой, а так – процедура! Утром свяжутся с посольством, приедет с земли капитан-распорядитель, их допросят... Тут Биатрис запротестовала, что в таком виде не намерена ждать утра и парни отошли в сторону обсудить.

Дитер выглядел взволнованным, но его «лунная подружка» нисколько не беспокоилась. Ее теперешнее положение он бы назвал «дохлый тупик», хотя не думал, что его ситуация была намного лучше.

Решили ждать патруль прямо на берегу, но развести мальчика и девочку по сторонам. С ними оставили двоих охранников, а пять остальных со смешками и шуточками пошли в рабочий сектор. Дитер выпросил у своего цербера листок из блокнота и ручку и, кинув их Биатрис, попросил написать ответ на его «золотой вопрос, так как без него он не может жить!» Дитер бросил взгляд на неосвещенное лицо охранника, опасаясь, чтобы тот не раскусил, о чем они говорят. С таким же недоверием он косился на Биатрис – с какой стати она должна ему что-то писать. Но она-таки выпросила у своего надзирателя фонарик и принялась что-то чирикать, расположив листок на голой коленке. Раз пять над ней нагибался любопытный Пиноккио, шурился, двигал на поясе кобуру, но в ночи не мог разобрать почерк. Закончив писать, она попросила Пиноккио передать записку «моему парню». Но тот и не думал, и казенным тоном заговорил, что безопасность требует, чтобы он не отходил с поста. Эта же безопасность велела ему сунуть нос в личное письмо.

– Придумываете друг другу испытания. Ну и забавы у вас, нудисты!

Когда за Биатрис пришли новые люди, Дитер попробовал озвучить им главы конституции о личной неприкосновенности, о свободе граждан ЕС перемещаться в границах Союза, но его охранник опустил ему руку на плечо и прошептал, что на острове пользуются старой, проверенной конституцией:

– Чтобы быстрее уплыть, лучше поглубже молчать!

Подошел Пиноккио, помахал перед носом запиской и сквозь зубы посоветовал Дитеру отойти по нужде. В пяти метрах от коллеги, Пиноккио тихо предложил юристу выкупить «любовное послание». Так разозленный Дитер расстался с последней соткой евро.

Заветное письмо

В записке пять пунктов и приписка, что исполнив заветы, сокровища найдутся сами собой. Дорога к Океану, (океан обозначен в записке заглавной буквой) одна – через все пять веков которые, как в настольной игре, надо пройти. Бесполезно надеяться наткнуться на него, невозможно случайно встретить. Он сознание, небесное зеркало планеты, отражающее земле звучание Вселенной – 1. Океан вмешивается, где мелодия становится слабой, где низкое сознание – 2. Он переписывает сценарии, поскольку любой сценарий это музыка, музыка поэзии и человекоискусства. Океан следит чтобы фальшивая мелодия или непутёвый роман не закрыли тучами душу, не снизили сознание сестры-земли – 3. Океан меняет одежды, живет вне своих границ, шагает в людской мир и занимает должности, понятные всякому человеку – 4. Таков океан и кто пожал ему руку, узнает его тайны! – 5

Под письмом рисунок рукой: русалка со сложенными у груди руками, а рядом сердечко, пробитое стрелой Купидона.

Телефон Кэйт был все время выключен, денег не осталось, так что вернувшись к утру в Грюндсвальд, Дитеру пришлось припомнить морскую должность мусорщика и до вечера он поработал сборщиком пластиковых бутылок. Набрав на пару бокалов пива, он двинул в ресторан, где танцевала русалка на поручнях. Лису спасает нюх, юриста – трюк! В первый ужин с Кэйт он запомнил ее высказывание о танцовщице – резонанс в женском голосе, как барометр, указывал на приближение к сопернице, конкуренту, человеку, за которым день за днем она наблюдает, чтобы заловить на ошибке. Тогда, для проверки, Дитер бросил пьяный вопрос – а могла бы Кэйт так сама? Она прыснула и ухмыльнулась со словами – «в сто раз лучше!»

– В сто раз лучше танцую те, кто танцуют в другую смену! – Дитер подмигнул бармену и поплелся со своими бокалами в дальний угол, откуда мог видеть только, что лицо танцовщицы в этот вечер выкрашено, а до этого обработано штукатуркой так, что узнать кто за лицом, мог только рентген!

Она же со сцены быстро заметила, что эксперт живёхонек, ее не узнаёт и глядит смотрит в другую сторону. Но когда она бросила второй взгляд, рядом с Дитером уже сидел инженер из «Потока», они выпивали. Сердце стало ходить зигзагами, а прыжки на поручнях не прощают худое внимание. Кэйт приказала себе концентрироваться на танце. В третий раз она увидела Дитера в каких-то трех метрах от сцены, выставив руку вперед он указывал на нее, а багровый инженер утвердительно качал головой. Она неожиданно и больно приземлилась на ягодицы, но сдавленным голосом вскрикнула «але-ей хоп!» Грянули аплодисменты под которые к сцене двинулись двое, хорошо понимавшие что падение не было трюком. Багровый обхватил ее за ноги, соединенные хвостом:

– Говорил тебе, не баба. Рыба на суше!

– Сегодня мы угощаем танцовщицу, мы-ы! Не отдадим Вас никому... – повторял Дитер.

Ей было больно, досадно, хотелось звать на помощь, но хозяин заведения Хорнбах остался бы глухим. Хорнбах видел, что Кэйт позорно обвалилась, и теперь придётся больше платить оркестру, который никогда не выступает за идею, а только за деньги. Неделю назад Хорнбах вычитывал Кэйт, что той надо похудеть – его перила держат 70 килограмм максимум, а на больший вес надо перестраивать сцену, стальную ферму, подвески, натужитесь каната – вся канитель на четыре тысячи евро. Разорение!

Пока Хорнбах грозно поглядывал на столик, где поили Кэйт и где она признавалась, что знать не знает о замыслах Биатрис. Хорнбах не видел страданий, а только улыбающуюся отштукатуренную гримасу. Это его злило вдвойне. Дитер отослал Манфреда в винный магазин за виски и, нагнувшись к самому уху Кэйт произнес, что Биатрис хранила огнестрельное оружие и доказать связь Кэйт с этой датчанкой не составит для него труда. Тут у девушки сорвались нервы:

– Зачем ты приперся в наш город? Еще один неудачник возомнивший себя романтиком. Откопать здесь русалок, сняться для твиттера с хвостатой красавицей? Стать на пять минут звездой? Как мелко! Так вот спускается жизнь на чепуху, у угоду низкому сознанию. Ты нама-левал себе будущее со всякими почестями и богатством, еще ничего не исполнилось, но ты уже как в болоте барахтаешься в зловонном сознании...

– Сознание?!

– Ты, твой похотливый красный Карабас Барабас, подонок Хорнбах сотканы из сознания, но из-за чрезмерной тяжести надстройки разглядеть нельзя – через мешковину не виден блеск шелка! Тебе улыбнулась возможность коснуться мира чистоты, но ты влез грязными лапами. Только не возомни, что навредил нам, за столетия попадались и не такие храбрецы! Только берет досада, что вы не меняетесь. Сила есть, но нет света. В силе не содержится света, зато в свете заключена громадная сила!

– И это я слышу от фэйковой русалки?

– Такой же фэйковой, как ты, с самомнением выше Эйфелевой башни! Прекрати мечтать о господстве в кругу себе подобных. Займи место в тонком мире, пока не поздно и есть шанс.

– Мужик-русалка, ну это чересчур!

– Причем здесь это? Тонкий мир необъятен, у каждого есть возможность туда попасть и построить себе дом. Вместо этого мы лучше построим второй дом на земле, который обво-руют, сожгут и заселят призраками, так?!

– Ты что, намекаешь на мою мать? – было заметно, как упоминание «дом-призрак», вызвало в Дитере гнев, – Что ты знаешь, как смеешь о ней хоть что-то высказывать?!

– Наверное, не доглядела за своим здоровьем, не успела дожидаться когда цветок рас-цветет. Проживи она дольше, ты бы жил в залитой солнцем реальности и видел, что облада-ешь очищающим огнем, который выжигает яд отрицательных помыслов. С ее кончиной, твоя дорога удлинилась, се-ля-ви. Жди следующего поезда!

– Это говорит воровка, укравшая мой блокнот и 500 евро? Прикольно! Однако я не соби-раюсь ждать поездов, мне нужен корабль. Биатрис накалякала план, но или наврала, или сильно зашифровала, я спрашивал ее о другом.

– Она не врет об истине, но если надо защитить свой род, в ход пускает все женское ковар-ство – так устроила природа! Ты проник в чужой дом, чтобы разорить, осквернить и выставить нас на показ. Считай тебе повезло, что сейчас не кормишь собой рыб. Мотай отсюда и забудь, забудь про это место, тебе так много надо успеть в трясине низкого сознания, еще столько зло-вонных ям ты не испробовал. Не трать время – ныряй!

Пододошедший с бутылкой Барабас цыкнул языком:

– Откуда такая ненависть к людям?! Вы что хвостатые, все сплошь ангелы?! Охмурили моряков, затаскивали в свои пучины...

Изумившись и высоко подняв брови Кэйт взглянула на него, не выдержала и затряслась от смеха.

– Хорошо мы работаем, правда?! Пока не переведись такие как вы, ремесло можно продолжать.

Было видно как подобрел и оживился Дитер, увидев Барабаса с крепким напитком. Забыв оскорбления он разлил на троих, несмотря что Кэйт отказывалась, а Барабас все норовил придвинуться к ней ближе и пару раз дотронулся под столом до ее блестящего хвоста.

Дитер позабыл что хотел над Кэйт реванша и начал рассказ, что знал одну монашку, совсем не фанатика, цивилизованную такую отшельницу. Особа эта была к Дитеру добра и не раз спасала от беды. У монашки был путь Дао, еще она умела исчезать: тут присутствует, а через мгновение – ее нет. Лоа оставалась на том же месте, только в невидимой форме. Поэтому Дитеру известно про блестящий шелк, хотя бы по этому примеру. Но в отличии от Кэйт, продвинутая невидимка была аккуратна в выборе слов, не унижала и не гнала прочь. Дитер вывел, что Лойа знала про высокое сознание больше Кэйт:

– Поскольку чем выше мы поднимаемся, тем различий между людьми становится меньше.

– Русалки, добрее к людям надо быть, добрее! – подтвердил Барабас.

Дитер добавил, что свое низкое сознание он отморозил на Японском острове, в кабине холода, где человека удерживают в приграничном состоянии не давая околеть до смерти. Тогда же, вместе с ним умирал целый мир, он видел и чувствовал полное тождество мира и его самого.

– И конец света равен концу тебя, с телом умирает весь мир. Но я выжил, живет пока все остальное. Выпьем за жизнь!

Манфреда стала вызванивать жена и ему пришлось распрощаться. Кэйт получила преимущество.

– Захочешь болтать про нас небылицы – валяй! Только я знаю, что ты тоже не кристалл. Ты подозрительный тип с криминальной бахромой. Не хочешь про это рассказать?

Хоть Кэйт строила из себя отважную, энергия ее потерял напор: ей хотелось понять этого человека, она чувствовала что не до конца разобралась. Собеседник, угадав настроение, усилил колорит рассказа. Наклонив голову вбок Кэйт слушала про то, что факты принадлежат лишь физическому миру, мыслям и чувствам, но тонкий мир имеет дело с другими реалиями. Через десять минут, когда он рассказал про нейтральное сознание, сознание души и сознание покоя – идеи подхваченные на Антравестике, ей захотелось посмотреть, что же Биатрис ему передала.

На стол легла записка на клочке бумаги безо всякого шифра. На немецком были даны пять напутствий, ведущих к потопленным сокровищам. Только наставления касались не координат, а внутренних настроек, необходимых для поиска.

– Ты хорошо притворялся и я начала полагать тебя не тем, кто ты есть?! Биатрис не стала бы с тобой говорить. Скажи честно, ты пошутил, что хочешь сокровища? Только низкое сознание ищет материальных богатств...

Дитер ответил что, конечно ему не интересны золотые кубки и браслеты, не говоря о гигантских переливающихся цветами радуги камнях, инкрустированных бриллиантами. Он добавил, что Хэндборо потопил посудину на глубине и подъем сопряжен с большими трудностями. Единственное Дитера беспокоит, что его приятель, Рауль, сломя голову бросится разыскивать сокровища и погибнет.

– И что, русалки тебе, значит, не интересны?! – удивилась Кэйт, на что Дитер стал махать руками, словно отгонял пчёл. В глазах девушки мелькнуло разочарование. На фоне разгула европейской демократии, признания прав сексуальных меньшинств, легализации однополых браков, размножения одиозных групп над- и подводного серфинга, ныряния и придонного пейнтбола, людей все труднее заворожить старинной историей. В конце концов, пластическая операция из любой женщины скроит что угодно. Не далек день, когда мужчины потянутся следом и врежут жабры под ребра, начнут устраивать экологические коммуны морских граждан со своим правительством, парламентом и армией. Технологии уже подоспели. Было бы желание, и Балтийское дно вдоль трубы можно было облепить городами – климат стабильный, морепродукты в достатке, газ уже подведен!

Кэйт задумалась, покрутила листок, словно надеясь сзади увидеть разгадку, потом отложила записку и прикрыла глаза. В это время к Дитеру подошел хозяин заведения – Хорнбах, который заметил на столе бутылку не из их бара. Старик открыл рот, чтобы высказать свои возражения, но Дитер молча всучил ему бутылку и дал знак уходить прочь. Наконец Кэйт заговорила:

– Могу расшифровать кое-что, моя интерпретация текста такая: Первый ответ в рабстве у низкого сознания. Между низким сознанием и первым ответом договор, что они следуют в паре. Второй ответ не спешит, он более надёжный хотя нуждается в испытании. В нём заметна разница между «как надо» и «как мне кажется, будет лучше»... По сути, объяснения Кэйт ходили вокруг одного очевидного явления, на которое, впрочем, мало кто обращает внимание – если человек привык делать как он хочет, то все реже он прислушиваться к голосу изнутри его сознания. «Правильный» голос сразу страхует от всех ошибок и содержит в себе отпечаток истины, как если бы это была фотографическая карточка, сделанная с безукоризненного профиля Сократа, Платона и всех спасителей человечества, получивших одно обобщенное лицо.

На салфетке Дитер написал: «Посмотреть разницу между „как надо“ и «мне кажется, так будет лучше», установка датчиков движения на «М. К. Т. Б. Л».

Майер-ловец

Журналистика, общественная деятельность, прорывы в политику – такая имитация мужской брутальности со стороны женщин была не в его вкусе и ставила русалок близко к движению эмансипации. Попадание в детективный сюжет, который как шлейф шествует за одержимыми, Те, кто в обход режима наскоро стремятся поменять мир обречены попасть в детективный сюжет, гангстерские эпизоды как шлейф следуют за одержимыми. Спустя всего три дня после встречи с Биатрис, юрист с криком бежал по ночной пристани, чем заставил ловца засуетиться. Некто Майер пытался захватить Кэйт, но амфибия оказалась подготовленной газовым баллончиком и шокером. На удивление Дитера, дамской организации хватило собственных сил разругать непростое дело. Пока верзила лежал в отключке, прибыла дама с роскошными серебристыми волосами возрастом чуть постарше Кэйт. Они без помощи юриста загрузили связанное тело в багажник Вольво, потом незнакомка, не сказав ни слова, уехала. Кэйт поблагодарила Дитера за храбрость, но посоветовала больше в их дела не лезть. Лил дождь и юрист требовал разъяснений этой опасной охоты, на что получил встречное требование:

– Нет, ты сначала доложишь, как узнал о Майере! Что, будешь рассказывать под дождем или сядем в машину?

Кэйт понимала что Дитер и здесь вынырнул не случайно и перед ней лепесток за лепестком раскрывался глубокий смысл записки Биатрис.

– Дело было так... – по тону рассказчика хотелось заключить, что тот поведаст все подробности, но Кэйт услышала только начало. Дескать, направляясь в Берлин, на пересадочной станции юрист поймал Wi-Fi и из любопытства заглянул в интернет-дневник Кэйт. Ему показалось, что за ней аккуратно наблюдают. Раньше бы он сказал «не мое дело» и отошёл в сторону. Но следуя напутствию Биатрис, нужно ждать от себя следующего ответа и терпеливо стоять на перепутье, а потом с ног на голову переворачивать свои решения, а это чертовски неприятное занятие, к тому же, сулит массу неприятностей. Но юрист решил рискнуть.

Со следующим шагом помогла компьютерная программа. Дитер ввел адрес социальной сети Кэйт, а электронный ум сделал анализ ее предпочтений и интересов. Мозг был налажен под нужды маркетологов: товары или услуги обязаны разить не абы как, а прицельно. Так вот, про Кэйт выяснилось что она поклонница готической музыки, подводного плавания, а также увлекается поэзией и пением караоке – боковая строка поисковой системы сразу выбросила десяток рекламных объявлений по этим интересам.

– Остальное завтра, – заявил Дитер, – в отеле у меня неотложное дело: надо выпить за победу, этой...! Ну, эта, с серебряными волосами, твоя сообщница. Такие вот у меня ритуалы.

Но Кэйт фыркнула, имя подруги не сообщила, но выдала Дитеру 100 евро из тех, что украла вместе с его блокнотиком. На другой день юрист притаился в офис местной газетёнки где до обеда работала Кэйт, но та выглядела беззаботной и на угрозу сейчас же рассказать редактору кто она, рассмеялась: «я и не скрывала, что обычный, нормальный человек-амфибия!» Дитер возразил, что нормальный человек, наоборот, попытается уйти от опасностей, а чтобы обесточить мужчину вдвое крупнее себя, нужно смелости втрое больше обычного.

– Все проще – прервала Кэйт, – на дереве растут и большие и маленькие листья, есть и крохотные почки. Ветер может оборвать листья, но уничтожить почки у него получится, только сорвав все до единой ветви. Мы используем внимание людей по-разному. Людской любопытство – это почки, но все что из них вырастает, следует обрезать! Интерес к сообществу моря поддерживается на таком уровне, чтобы сообщение об увиденной в открытом море женщине с рыбьим хвостом не взбаламутило военных, океанологов и обычных искателей приключений. Если часто сыпать в СМИ небылицы, то даже если сам Адмирал флота увидит на волнах чешуйчатую красотку, это всегда можно обставить как розыгрыш, или флэш-моб женской организации «Море для всех». В подтверждении найдется десяток статей, о том что видели таких женщин-рыб, но оказывалось это аквалангисты в костюмах телесного цвета и тому подобное.

Дитер негодовал, зачем же собственноручно укладывать на лопатки преследователей, засовывать в багажник, рисковать, ведь есть полиция, частные детективы, наконец? Ну и потом, почему Кэйт не прыснула гузку и в него, когда он возник здесь в первый раз, ведь он тоже любопытный?

– Майер не верил нашим газетным статьям, всегда опасно иметь дело с неверующими! Такие вот грамотеи затыкают уши, уходят в подполья и сидят за микроскопом, исследуют кровь русалок, хотят переделать ее в препарат для долгой, богатой жизни. Но это ведь тебе не интересно, ты же не химик! Лучше расскажи, как программа смогла указать на ловца?

Дитер продолжил, что в одном комментарии на ленте Кэйт, этот «Майер Вульф» предлагал услуги в тех самых словах и в той же последовательности, какая выскочила на мониторе Дитера, когда он впервые воспользовался программой. Это могло означать, что Майер наблюдал за Кэйт через те же электронные фильтры. Обычный продавец аквалангов или дисков с готическим роком не стал бы бросать на ветер полчаса и возиться с настройками компьютера, чтобы исследовать всего лишь одного клиента, да и...

Юрист спохватился, чтобы не брякнуть, что не такая Кэйт красавица, что заставит поклонника возиться над изучением ее вкусов.

– И тогда, – переменил он тему, – голос всеведущего океана указал мне сойти с поезда и вернуться в Грюнсвальда. Вот послушай изречение в тему: достав из воды хорошо отшлифованный нож, только одна капля срывается с его острия – в этой капле таится весь океан ... Майер знал кто ты, где тебя найти, но вначале хотел услышать, как громко ты капашь в большой-пребольшой социальной сети.

Услышав эту фразу Кэйт встrepенулась, взгляделась в собеседника и хотела что-то сказать, но вместо этого медленно кивнула головой, чтобы тот продолжал.

Дитер рассказал, что в профиле Майера значилось – «продавец», но из двадцати сообщений к другим пользователям сети, акваланг Майер предлагал только Кэйт, остальные девятнадцать реплик, по всей видимости, были фэйковыми.

Тогда, под чужим именем Дитер пошутил на ленте Кэйт, что отдаст новое оборудование для дайвинга по бросовой цене. В тот же день и Майер предложил серьезный дискант на свой товар. Этот «базар в сети» был обязан вызвать импульсы у хозяйки страницы, и Кэйт, наконец, огрызнулась, что тут не место для торгашей и акваланг ей не нужен так как можно обходиться и без него. Майер задал вопрос – «как?», но ответа не получил.

За хозяйку решил написать Дитер – нужны особые упражнения на дыхание, которые делают йоги. Но пост Дитера не поднял интереса и добавлять йога в друзья не спешили. Но главное, понял тогда юрист, это то, что Майер заметил точку возмущения этой девушки и притих до следующего комментария. До выхода статьи Кэйт о тематическом аквапарке для детей в Грюнсвальде. Оказалось, что и тут Майеру есть что сказать, но сделать это он хочет лично. Дитер от души похохотал, увидев в поведении ловца собственный почерк – все то же самое, когда он искал встречи с Кэйт.

Девушка обещала написать Майеру на личную почту и спрашивала, может ли тот привезти акваланг. Не прошло минуты и Дитеру пришел вопрос – не продан ли акваланг и если нет, то Майер готов сегодня же купить, внизу был приписан его телефон...

Кэйт испытующе смотрела на Дитера, который внезапно притих. Можно было догадаться, что тогда смельчак струсил, а сейчас стесняется об этом сказать. А было так: он решил не отвечать Майеру – дезинформация слишком жирная, лучше не размножать враки, а подождать пока ложь пройдет сама, как боль от укуса насекомого. Но как удержаться от соблазна нажать на отчаянной нужде ближнего? Диете задумал достать дешёвенький акваланг, чтобы перепродать Майеру, заодно посмотреть, что это за тип такой находчивый.

– Хочешь узнать, как я достал акваланг? Ищи то, что не лежит на поверхности!

Старый, чёрный, резиновый

Начинающие бизнесмены сорят своими визитками. Это подтвердилось в раздевалке городского бассейна. Под скамейкой обнаружилась одна, приклеенная скотчем с тыльной стороны сидения и уже трехлетней давности. Дитер позвонил: девушка свернула дело, но у нее осталась парочка старых моделей, допотопные маски для ныряния и трубки, которые были бесполезны в смешанных водах и теперь не продавались. В ее доме состоялся торг, который она стала проигрывать. В разгар торговли продавщица вытащила из стакана нож, чтобы продемонстрировать упругость костюма. С лезвия соскочила единственная капля. Юрист и не обратил бы внимания, но продавщица рассказала здешнее поверие – «настоящим» ножом пробивается гладь воды и пока лезвие достаётся наружу, вся собравшаяся на нем жидкость успевает стечь – клинок настолько идеально отшлифован, что на нем способна зацепиться одна единственная капля. С серьезным видом девушка добавила, что в капле покоится океан. На что юрист ответил, что если так, то в его 30 евро помещаются все три сотни, а значит продавщица небывало на нем разживается и ее могут ждать неприятные вопросы от антимонопольной комиссии.

После лёгкой победы Дитер не ждал, что на Майере придётся жестко споткнуться. Повертев в руках акваланг, верзила с лицом спец агента пообещал вернуть его на следующий день, заплатив аренду. Он предложил поставить какую-нибудь отметку с именем и телефоном на черной резине, чтобы сделать очевидным, что владелец Дитер. Идея казалась толковой, но от этого шага Дитера удержал сработавший капкан – «не как я хочу, а как сказано в инструкции». В конце концов акваланг стоил дешевле, чем давал Майер за один день аренды, можно было ничего не подписывать и рискнуть расстаться с этим старьем.

– Хорош бы я был написав свое имя. Подонок бы тебя пришел, отсосал крови, и оставил в костюмчике «От Дитера». Ах, как чесались руки подписать, да удержался! Хотя постой, тебя бы убили вот как...

Дитер принялся описывать, как выловили бы в бухте обескровленную Кэйт в черном акваланге с его автографом, а девушка в это время размышляла об обмане, о Майере, и о том, как у людей все сложно. И что значит вся эта путанная история – изворотливый трюк афериста-юриста, или Всемогущий океан выстраивает канву и направляет?

– Почему ты поверил Биатрис? Или узнал в ней свою тётку? Только тётки без оглядки желают племянникам самого лучшего.

За насмешкой Кэйт попыталась спрятать любопытство. Дитер же в ответ пожал плечами и, выждав паузу, вернулся к теме океана в маленькой капле. Он сделал это изящно, так, что сквозь его лицо нельзя было разглядеть подлинного мотива. Похожим образом спрашивают на экзаменах, когда преподаватель не имеет личных симпатий или антипатий.

– Внутри капли заключено безграничное сознание, этого никогда не охватит, не примет и не поймет низкое сознание... – проговорила Кэйт в надежде по его лицу разгадать как много он знает.

– Здесь, внизу, все огромное состоит из большого числа крошечного, так океан состоит из миллиардов капель. У дальних горизонтов сознания все по другому – в крошечном может уместиться бесконечное. Но на дороге от низкого к высокому стоит громадная стена под названием «Невозможность».

– Вот тебе пример, – Кэйт взбодрилась и поправила волосы, – Тысячелетняя история русалок без единого подлинного доказательства их существования! В них никто не верит, потому что между миром людей и морских нимф лежит простая, но невероятно упрямая формулировка – «невозможно»! Мало кому удастся заглянуть за стену невозможности. И это не странно – поверив в одно, придётся принять и многое другое. Что в семени уже находится дерево! Если спуститься с высокого уровня, будет казаться, что для семени прорасти в дерево уйдут годы. Низкое сознание не допустит идеи, что дерево уже находится в крошечном, черством зернышке. Парадокс, что даже увидев – в это не поверит никто. Авторитет первого ответа не позволит верить никому и ничему.

Русалки знают тайну капли, и для напоминания об этом всегда держат при себе острый нож. Общаясь с людьми можно угодить в тиски низкого сознания, поддаться желаниям, страсти и жадности. Тогда нужно погрузить клинок русалки в воду и быстро его выдернуть. Увидев одну, срывающуюся с острия каплю, русалка вспоминает неописуемый простор. Она обращается к Океану сознания и больше не подвержена власти слепоты.

– Э-э, мы что, плавно переходим к пришельцам и египетским тайнам? Повременим! Чтобы тема имела вкус недосказанности прервемся здесь. Один жгучий вопрос мы не можем оставить открытым: Майер. Как вы распоряжаетесь трупами пока мне не ясно: частичное или полное поедание, потопление, скормливание акулам. Думаю и этот ваш «однокапельный» ножик как-то принимает участие...

– Русалки не убийцы! Майер и без нас был человеком одержимым, а теперь станет чуть больше невменяемым: так сказать, влюбится в русалку! Вот в это уже не поверят даже дети. Майера осмеют, а он будет страдать от неразделенной любви – достаточно суровое наказание, если протянется до конца его дней.

– Ок, нераздельная любовь к сказке, в детстве я на такое натыкался – Дитер направил невидящий взор куда-то вдаль.

Кэйт про следила за взглядом и постепенно охватила взглядом парк вокруг их лавочки. Кусты шиповника и аккуратные скамейки, какое-то южное дерево в большом горшке, не шумные старички в дальней беседке. Все это не ее, декорации на сцене где однажды выступит она, но сейчас сцену монтируют, готовят. Но кто этот тип у которого не состоялась любовь к сказке, почему он здесь, рядом с этой сценой? Наверное, приглашен за какие-то заслуги, какое-то неизвестное ей мастерство. Упрямый, одаренный, но увязший в постоянной роли «не себя». Кто он сейчас на самом деле? Работник сцены, по недогляду зрителей пробующий на себе костюм «Азбука событий» от Высшего кутюрье. Смотри же – азбука с шипами, её долго изучать, а общаться на ней и того труднее! Здесь фразы не согласуются с привычкой угождать себе и приходится гладить против шерсти. Как долго твои плечи смогут нести колючий наряд?

Вера и одиночество

На осмысление у Кэйт ушла масса времени, а правильное понимание никак не наступало. Биатрис повторяла, что необходимо действовать, совершать ошибки, двигаться вперед, все время работать, чтобы явилась океанская Воля, а размышления и умозаключения нисколько не приближают к цели. Но Кэйт устроена по-другому; пока всего не поймет, работать она не может, и это несовершенство заставляло подозревать себя в худшем.

В «Легендах пучин» про слабую веру говорилось, что сомневаться в морских богах, сомневаться в русалках и людях – это тяжелое, но посильное бремя. Когда же дева начинает сомневаться в себе, то прискорбнее этого случиться ничего не может. Ни сеть рыбака, ни объектив хладнокровного корреспондента, ни бескомпромиссный ловец не могут сравниться с вредом неверия в собственные силы. Жизнь девы неразделима с верой. В нее постоянно кидают свое подозрение люди, крикливая толпа разоблачает русалок, но не пройдет полгода, как антрополог из палеонтологического музея, который видит море только когда отправляется в отпуск, доказывает, что все хвосты с расширением у бедер, это останки изящной динозаврихи-кокетки. Так что потеряв веру в себя, морские девы обречены на судьбу динозавров. Всех русалок съело бы одиночество.

««Одиночество – замерзающий ночью воск – минута, другая, пять дней, или срок в пять лет – в какие мир теряет секрет – тогда для него русалок нет. – Но для русалки мир остается живой, – но потерянный в прошлом, закован в былом! – До настоящего не доплыть, – ей, одиночество – дом...» – Кэйт наизусть знала эти слова из «Легенды пучин».

Со вздохом девушка размышляла, что русалок породил сплав одиночества и людской надежды, больше остальных в этом виноваты моряки. Помимо фляги джина и кисета табака, работники моря всегда старались хранить прекрасную легенду. В стародавние времена в походы отправлялись на долгие месяцы, а то и на год-два. Женщины на борту всегда считались проклятием, а вот женщина за бортом... – в этом мужчины чувствовали терпкий запах романтики. Так и повелось, потом укрепилось, стало искусством, превратилось в рождение Венеры на полотне Боттичелли, где богиня появляется из пены морской.

Сколько людей верят в богиню Венеру? Вряд ли наберется тысяча. А из тех, кто поклоняется ей не осталось ни одного. Но что стоит богине сотворить свое подобие, которой будут интересоваться всегда, будут любить, бояться и искать с ней встречи?!

«...Может не слушаться и посмотреть, куда приведет путь Венеры? Какая ни есть русалка божественная, в ее земном теле течет кровь и заставляет её подчиняться природе. Биатрис говорит, что если не выстроить заслон, жизнь возьмет свое – у нее в изобилии и терпение и время. Как ни горько сознавать, но старая дева права – игра в Венеру кончится также, как сотни похожих попыток. Сначала нас станет мало, мы заразимся одиночеством и, потеряв в себя веру, вымерем.»

Но сказанные в последнюю встречу слова Биатрис девушке нравились: «Надо удерживать глазами свою цель, оборачиваясь назад, цели не достигнешь! Если провидение сейчас указывает на этого человека... другой шанс может представиться не скоро... Девочки, вы только взгляните сколько для вас плюсов: в нем достаточно дряни, чтобы его презирать. И успокойте себя – земной муж из него вышел бы гнидой и подлецом. Но что плохо для низкого сознания, может оказаться благоприятным для нас!»

Одежда для хвоста

У кого нет джинсов? Ну, или кто хотя бы раз их не надевал? Таких на земле мало. Еще меньше тех, кого можно джинсами удивить. Кэйт все же испытывала изумление. Смотрела она не на лицо, а только на давно уже не юные ноги, облачённые в откровенные джинсы. Перед ней стояла женщина в годах. Ее звали Биатрис: 53 года, датчанка, волосы светлые, глаза зеленые, ясные. Светлая, с благостным серебристым отливом, ухоженная кожа лица со стайками крохотных неглубоких морщиной. Биатрис толи проповедница, толи Мать-настоятельница, и что доподлинно известно, что она встречалась с Папой Римским и принимала исповедь толи у самого Канцлера ФРГ, толи у его жены, а может и у всего правительства. И вот на этой благочестивой особе джинсы, которым позавидовала бы любая стриптизерша. Но постепенно Кэйт стал околдовывать акцент ее певучего голоса и движение живых, поблескивающих в свете костра губ, похожих на морского гребешка.

Биатрис плавно вещала:

– Прогулки к камню – обязательный рацион, способ заявить, что ты русалка. Нет ограничений по числу раз, плавать можно сколько захочется. Средняя продолжительность пути в одну сторону до гряды Ундина-Норт – полтора часа. Но можно подплывать к более близким объектам. Также, время от времени старайся отдохнуть пузом вверх, костюм делает возможным обогрев, пока ты дрейфуешь на спине. Теперь, как не заблудиться! Океан указывает направление и ведет туда, куда про стирается твое намерение, всегда это помни Кэйт. Снаружи он представляет из себя огромное пространство воды. Те, кто доплывал от правого берега океана до левого, говорят, что попадаешь в другой мир. Если плыть от левого края вправо, ощущение такое же...»

Кэйт невольно улыбнулась.

««Моряки и путешественники, которые пересекли океан, утверждают, будто покидали привычное измерение и причаливали черт знает куда! Ни путешествие на поезде, ни перелет на самолете не сопоставимы с ощущением похода по волнам. Сочувствую тем, кто не пробовал!

Другой океан – внутренний, у русалок именуемый океаном сознания, его ширина неизмерима. Из неизмеримого пространства пришла в существование идея о русалке – существе женского пола, существе эфира. Наиболее поздней иллюстрацией совместимости океанов служит сюжет кинофильма про пиратов, где корабль со всей командой попадает как бы в перевёрнутое пространство, по сути оказавшись в океане-сознании. Нырнув, и стремительно пронзая пучину, русалка оказывается на том краю. Если вкратце, то как-то так!»

Биатрис развела руки в стороны, подняла брови и мягко продолжила:

– Теперь пару слов о видении. Для наблюдения за дальними объектами на море используется бинокль. Через него видна ограниченная область на расстоянии не дальше горизонта. Но в океане-сознании охватить вниманием можно все, причем за один раз. Одного погружения бывает довольно, чтобы зачерпнуть знания, которых хватит до следующего ныряния. Тебе нужно счастье? Оно там! Тебе нужна любовь, понимание – все это во внутреннем океане. Брать можно сколько зачерпнешь, все богатство твое. Только ничего не бойся, ничего!»

Следом за рассказом, Биатрис достала из-за спины красивую сумочку с изящными кожаными лямками. Прострочка на лямках сумочки была такой же оригинальной, как на джинсах, а точнее, на швах по бедрам ее джинсов с тыльной стороны. Правда в джинсах были неумест-

ные для возраста и статуса дамы овальные отверстия снизу до самого верха. Снова внимание Кэйт оттянул голос и какое-то быстрое движение. Биатрис вывернула сумочку наизнанку и из ее рук спружинил вниз длинный блестящий чулок, оканчивающийся внушительных размеров рыбьим хвостом.

Не шлепать хвостом

Только через минуту Кэйт поборола застенчивость от того, что ее пытаются нести на руках. Она наконец обхватила шею Биатрис и потеряла ощущение собственного веса в уверенных женских руках. Ей делалось тепло от сказанных слов, что так запросто можно сколько хочешь плыть и нырять и никогда не касаться ногами дна. От части из-за того, что ног нет.

Они вдвоем оказались в воде, а Ульрике осталась возле костра и все время смотрела на них, приветливо махала рукой и улыбалась. Подобно крестителю, Биатрис вошла по колено в воду и была готова идти дальше, но Кэйт запротестовала, что Биатрис тяжело и пускай уже бросает. Балтийская вода не обожгла холодом и девушка думала, что всему причиной теплая аура Биатрис.

Костюм с чешуйками мгновенно принимал цвет морской воды, учитывая время суток, погоду и даже отблески света. Не первый выход на большую воду, но такое тепло, радушие и ощущение своего, близкого и безопасного – такого у Кэйт в жизни не было. От привычного плавания это путешествие отличалось своей внутренней наполненностью, будто ей сказали – «финиш близок, пусть ты его не видишь, но уже на верном пути!»

Единственное, что не получилось в тот памятный вечер, это работа хвостом. В глубине его движения были бесподобными, но на поверхности хвост шлепал и привлекал внимание. Мягко, без назиданий Биатрис сообщила об этом, и добавила, что джинсы с вырезами очень пригодятся и Кэйт, когда та освоит работу хвостом.

Плавая, каждый раз Кэйт представлялось приветливое лицо Биатрис, ее сострадательные губы – воспоминанием хотелось смаковать. Вот бы сейчас узнать, что предложила бы Биатрис в ответ на ее голод, когда до берега далеко, а вокруг высокие волны? У нее это была игра воображения, которую не трудно прервать, но зачем обрывать хорошее? «Всегда используй мудрость! Столько мудрости, сколько у тебя есть и так часто, как можешь о ней вспомнить, и даже чаще.»

– Минутку, постой... – рассуждала Кэйт, – когда много «не» правда выходит косою на один глаз. Оптимизм, вера в успех, обращающая морскую соль в сладкий нектар. Так корми себя собственной грудью!

Следом за этим на языке она ощутила сладковатый приятный вкус. Мысли с приставкой «не» было решено вычеркнуть из морского словаря! В тот самый день, когда Кэйт узнала о поклонении и превосходстве для которых рождаются русалки, и о том, что это предназначение не для кого-то другого, а для неё, и не когда-то потом, а сейчас, или же вообще никогда. Это заставляло ее плыть быстрее, чем обычно, ее внимание привлёк шум слева. Она легла на спину и всмотрелась. Плеск повторился и над блестящим морским покрывалом возник и исчез треугольный плавник, оставив бурлящую бороздку на волнах. Для хищников русалка просто большая рыба, но из-за человеческих форм торса, плеч и головы она не обладает той же маневренностью. На зависть рыбам у русалки есть клинок. Даже на пузе кита он может оставить длинную алую полосу глубиной в четыре дюйма от пасти до хвостового плавника. Отправить гиганта к праотцам можно сделав десять-пятнадцать одинаковых продольных надрезов. Вода в окрестности десяти метров делается красно-бурой, а из-за бешеных движений гибнущего гиганта на поверхности появляется пена. Русалка должна успеть отплыть на безопасное расстояние. Ужасные истории охоты на китов были частью тома «Легенд пучин» – книги, которая

хорошо продавалась как в Германии, так и за её пределами. Кэйт все же полагала, что это полностью фантазийная приписка к книге, так-как киты русалок не беспокоили. Совсем другое дело акулы!

За исключением крайних полярных широт, акулы вездесущи. Две главы «Легенд пучин», описывающие схватки акул и русалок, вполне могли соответствовать правде. Однако повторять героические поступки предшественниц Кэйт боялась, за всю жизнь у неё случилось три-четыре бескровных стычки с акулами, и было везением, что попадались молодые самочки, которые отступали, испугавшись звуковых атак. Особенно угрожающе голос-сирена русалки распространялся под водой. Русалки использовали оба приема: глубинный и надводный, чем полностью обескураживали хищниц. В «Легендах пучин», чтобы показать читателю как звучал голос-сирена, звук пришлось перекладывать в обычные «огонь, угуль» (сорорити в течении ста лет финансировало издание и переиздание этой книги, выход одноимённой компьютерной игры в 2005 году, а так же иллюстрированного альбома и серии комиксов), описания, которые вошли в некоторые словари, включая «Википедию».

Предупредить, отпугнуть и слиться с гладью – три приёма, которые избавляли от применения клинка. Но хищники бывают разными: голодными, любопытными, и с рождения враждебными из-за прошлой судьбы. Последних всюду эксплуатируют низкие силы моря. С такой и повстречались Кэйт – ни спугнуть, ни замаскироваться на стыке моря и воздуха не получилось, акула стала накручивать круги.

Ничто в море не сравнится с акулой в манёвренности и скорости коротких перемещений. Обойти ее можно хитростью и зная уязвимые места.

У русалок хорошо отточено движение, под названием «ход маятника» – выгнутое дугой тело ныряет и тут же показывается над поверхностью, пройдя под водой половину диаметра. Когда голова и туловище оказываются над водой, происходит ныряние по той же траектории хвостом вниз. Получается, будто русалка пеленает акулу, поэтому хищница долго не может схватить хвостатую деву. Пользуясь этим приемом Кэйт одержала верх. Изрезанное тело двухметровой хищницы всплыло на поверхность, жабры работали, но жизненные силы подходили к концу. Плавая в бурой жиже, Кэйт дрожала от перевозбуждения и страха. Не помня себя, девушка добралась до именного камня. По самое плечо она запустила руку под воду и достала «яйцо». Этот овальный предмет можно спутать с большой медузой. Внутри «яйцо» напоминает инкубатор. В «Легендах» описывают рацион русалки двухсотлетней давности, состоящий из рыбы, моллюсков и водорослей. В двадцать первом веке, когда человечество научилось выращивать продукты как в космосе, так и под водой, девы отвернулись от рыбы и мяса. Для снабжения кислородом используется фотосинтез хлореллы – маленьких зелёных водорослей. Опресняют воду другие водоросли, за под дерзанием температуры следят бактерии, и все компактно размещается в подводном «яйце». Там, где небольшая глубина или проступают камни, всегда стоит поискать русалок, а если с поиском не везет, наверняка сыщутся яйцевидные инкубаторы, под водой похожие на медуз. Ловцу следует запастись терпением: рано или поздно кто-то приплывет к кормушке на обед.

Ее третий поход к камню пришёлся на черный день, когда о своем выборе она отчаянно жалела и соль ее слез сливалась с морскими водами, угрожая лишить ее веры в себя. Кэйт хотелось вопить, что океан сплошь состоит из слёз русалок, сделавших выбор преданности, но скоро пожалевших об этом. Существ эфире наделили плотью, чтобы появились плечи на которые можно взгромоздить безнадежную задачу – любить людей, получая взамен унижение, презрение и боль. Тысячи лет людские несчастья давили грузом на сердце русалок и девушки моря разбивали себя на мириады слезинок, образуя тем плоть морей. Но с губ сорвалось совсем другое:

– Я пока испытывала выносливость только в малых водах, переплывала Английский канал и Босфор...

Голос наполнился жалостью к себе, предзнаменованием потери веры и как по скользкой горке она скатилась к жалобе, о том, как ее обижает Дитер. Увлеклась. Рябь волн, тени облаков на воде и плеск играющих рыб стали чудиться ей будто признаки внимания Великого собеседника.

Стихи, которые сошли с ее губ часом позже, Кэйт приняла как зеркало своего состояния:

Терпеть от недостойных,
Поставлять другую щеку
Удел людей простого бытия.
Затем наказывать виновных, несогласных
Их в этом правда, истина их вся.
Почувствовать обиду
Или послать проклятие —
Большая пропасть между первым и вторым
Пусть он узнает о страданиях и несчастьях,
Узнает от тебя вершителем каких бесчестий был.

Волна плеснула ей в рот солёной воды и сразу припомнились слова Биатрис: «Только те избрали океан, кто сами были им выбраны.»

Кэйт поняла, что переусердствовала в потворстве своему настроению:

– Избранники не жалуются, они оставили за спиной нечистый постоянный двор жалоб!

По возвращению на берег она поехала к Ульрике, чтобы расставить все точки. Ули, не взирая на внешнюю краткость, всегда говорила открыто: если больно, она вслух и громко выражала свои чувства, чтобы мужчина поимённо знал каждый нерв, который изуродовал. Кэйт следовало наперед учесть убеждения Ульрике, а не искать успокоение у железной русалки, сторонницы пути захвата. Та одну за другой хотела собрать в себе недостающие стихии, устроить ураган, пожечь селения...

«Может могущество и подходит Ульрике – наследственной русалке, но мне-то что делать? Какой прок от стихий, если они не могут исправить единственного человека». Выйдя от повелительницы стихий, Кэйт вздохнула и направилась добиваться правосудия в место где ее гордость одно за другим терпела поражения.

Юрист открыл дверь и его взору предстало бледное лицо с распухшим носом и красными ободками вокруг век, а глаза влажно блестели. Он попятился назад, своей фигурой прикрывая неубранный стол, Кэйт запросто могла вернуться к своим рыданиям, увидев как на её с трудом собранные документы разлили кофе. «Что, стукнулась? Колесо пробило? В чем дело?» – роняя голос, спросил Дитер, девушка догадалась, что её растрёпанный вид сбил надменный тон хитреца.

– Я чувствую обиду, хоть и с виду ... – сообразив, что пошли стихи, она стала рыться в сумочке в поисках блокнота, нужно было не упустить момент. Кэйт бухнулась за стол, подвинув пахнущие кофе бумаги и застрочила:

...Скрываю маской подчинения, но внутри,

Где чувства обитают, в их сплетении
Огонь горит, пылает жар печи.
Но бранный трон, сплав чувств земных и мыслей
Покинут мною, миновала их предел,
На ветвь высокую душой взлетела с песней
О том кто дорог мне, кто солнце,
Бог небесных тел.

– Эй, довольно Востока! Ты не Шехерезада, я не падишах, – проговорил поглядывающий через плечо Дитер, – Ход неплохой, но для 13—14 века. Твои потусторонние предводители меня нахально мнут, чтобы помягче было жевать – с чего это вдруг я стал и хорошим, и лучезарным? Теперь их манифест добрался до утверждения, что Дитер такой, какой есть, и это тоже стильно. Но доложи им, – Дитер поднял глаза к потолку, – что они во мне не разочаруются: когда мы достанем золотишко, они увидят кто я!

Дитер протянул ей сигареты и это возымело эффект. Кэйт отшатнулась и на какое-то время перестала хлюпать носом. Её изумлённо-испуганный взгляд подействовал на мужчину дружелюбно.

– Я ... не курю! – сползая на плаксивый тон произнесла она, – мне нельзя, я плаваю, дышу через поры. Всё слипнется, закупорка каналов...

– Нельзя это всегда, а сейчас можно. Мне вот хорошо нервы успокаивает и тебе поможет! Хоть пол сигареты выкури, в душе полегчает.

Кэйт пережила момент борьбы, а потом в нерешительности протянула руку к пачке. Очень услужливо Дитер дал прикурить, заодно поджег и свою сигарету. Кэйт резко закашляла, как те, кто никогда не курил. Дитер похлопал ее по спине:

– Не тани много, новичкам надо по чуть-чуть. Вот так... Да-а-а, у тебя лёгкие ни к чёрту годные! Кстати, хотел спросить, под рёбрами всё-таки лёгкие или жабры? Вот приколы – курящая рыба! Эй-эй, только без слёз, за шутки казнили только твои падишахи, а сейчас юмор даже русалкам прописывают от сырости, да от хандры. Был у меня друг, доктор, весёлый такой, утонул потом. Он русалочки слёзы подмешивал в микстуры. Вот это был убийственный медикамент, и слёз этих был у него огромный бак, должно быть купил у китайцев в сильном разведении! Как это я не сообразил у тебя настоящих слезинок набрать?!

Кэйт не понимала, как ее драматическая ситуация обратилась в шутку, и в каком месте её начали разыгрывать. Но она видела Дитера в превосходном расположении духа, как никогда прежде. Пузырьки и бутылки на столе и подоконнике поблескивали приятным светом, предметы убогого интерьера переходили друг в друга в пастельных переливах и казались вытканными на роскошном ковре. «Это сигарета», промелькнула у нее, но мысль не вызвало протеста. Обвинительной тирады не получилось и Кэйт почувствовала себя неожиданно легко, будто надежда никогда ее не покидала, а просто спряталась за угол, а теперь отыскалась, и вместе с Кэйт радуется встрече.

Ульрике

– Океан дарит несравненное чувство бесконечности. Свободно перемещаться в воде на большие расстояния не используя никаких приспособления. Довольствоваться моллюсками, планктоном и морскими водорослями, а по ночам впитывать свет звёзд и луны – такая жизнь стоит того, чтобы о ней мечтать! Океаном были сотворены верховные существа...

Пока слушала, Ульрике наклонила голову набок, легко улыбалась и думала, что Биатрис, только одна из них – божественная. Капля сознания с ее клинка не высыхает, и Биатрис в каждый момент способна удерживать в себе осознание целого океана – Ульрике пока такое не под силу.

Но все же кое-что можно учудить! Кэйт начала поклоняться Дитеру, а красавица-русалка развернула параллельную игру, в которой дала юристу поверить, что у нее нет мужчины и ее волнуют ее только вопросы духа. Как вид сокровища, кем-то оброненного на дороге притягивает взгляд и заставляет суетливо перепрыгивать находку, парень втянулся, не до конца ещё веря, что на личном фронте внезапно засветилась удача. Наконец он клюнул, предварительно разведав у Кэйт, что Ульрике и вправду одна. Бедняга начал ухаживать, а Ульрике притворилась и, на манер Кэйт, надела маску преданной. Позвала Дитера в собор и поведала о божьем устройстве мира, об Истине, он же видел только как она проста и искренна. А он, хитрый и изворотливый, внезапно купился, чтобы отведать мучений сердечных, которые постигают как бедного, так и богатого и никогда не докладывают то своему приходе. Ему стало хотеться, чтобы Ульрике предала свои протестантские убеждения и догмы навязанные священнослужителями. На это верующая предложила Дитеру поговорить с Матерью-настоятельницей и попросить ее отдать.

И как бесподобно она разыграла встречу с Матерью прихода, сама побыла в роли Настоятельницы, которой вера запрещала открывать свое лицо мужчине. Ульрике умела управлять голосом, так как звук был одной из стихий и, отделённая от Дитера шторкой исповедала беднягу, и сопротивляясь страстным напорам Дитера выторговала условия, на которых Ульрике может уйти в мир.

Но после оазиса веры раскидывается пустыня бытия. Надо устраиваться на работу, ценности попораны и никому нет дела до внутреннего мира этой кроткой с виду девушки. Ее берут в официантки, в ресторан Хорнбаха, хорошо известный своим предприимчивым хозяином, а также его женой-инвалидом. И хотя Хорнбах подчинялся своей жене и боялся ей изменить, для Дитера история была переделана в классическую версию. Дескать, красотка попала на прицел эксплуататора и тот ей проходу не даёт. Но Дитер верил Ульрике, когда та раскаивалась:

– Я предала святую церковь, это мне наказание за измену! Так мне и надо, я заболею и умру в мучениях. Меня коснулся выбор, какого не бывает ни у одного человека; судьба сделала меня русалкой, приблизила к Создателю. Судьба дала мне силу противиться соблазну – не бороться с грехом, а утопить само понятие греха в потоке вопрошания к Высшему. Почему я не увидела как велика Его милость?

– О чем ты говоришь? Не верю я в такую мораль...

– У людей грех и праведность стоят напротив друг друга и тянут канат на себя. У морской девы праведность мощнее, поэтому грех приближается с опасением – мы вступаем в бой, только когда демон греха отваживается напасть. Душа растет, а хватка ада ослабевает. Если бы я подождала пару лет, этот ничтожный соблазн не посмел ко мне подойти. Настоятельница говорила, маленького врага нет: крошечный страх мучает все тело, мимолётное сомнение сжи-

гает все мечты, а секунда зависти разрывает близость с моими братьями и сестрами на Земле. Я приму возмездие судьбы, пусть Всевышний делает со мной что пожелает!

Дитер возмутился на непоследовательность женщин, их неспособность махнуть рукой и убежать от дурных обстоятельств. После двух банок пива он стал ругаться, что Ульрике угодила в чертов ресторан из-за его просьбы, и никакая это не судьба. Но она перебила Дитера.

– Это была моя слабость и законом определено, что мне нести ответственность! Тебе не надо вмешиваться.

Лице молодого человека выражало смятение и жажду мести. Но сколько он не искал в глазах ее одобрения, взгляд Ульрике упирался в стену и замер скорбном оцепенении. Он стал бить кулаком по стене, что заставило Ульрике подумать о ремонте, и она решила, что настало время ввести соперника, чтобы юрист оттачивал удары не на ее стенах.

Дитер отскочила от стены и выкрикикнул, что глупо обвинять себя, надо действовать.

Намереваясь поквитаться с хозяином, Дитер послал к нему своего церковного калеку Самсона. Но всё оказалось заранее устроено хитрой русалкой: Хорнбах предложил калекке повременить с погромом в обмен на ценные сведения: у Ульрике появился ухажер из числа влиятельных клиентов заведения.

– Девчонке неслыханно повезло с Францем Бойлем – предыдущие официантки обломали об него все глаза, а эта зашла с тылу и прямо в сердце! Так что с меня взятки-гладки; не сегодня, так завтра упорхнет ваша святоша к богатому папочке. Я ей уже никто...

Настала вторая глава мучений юриста, его стала одолевать ревность. Узнав эти подробности, Кэйт ужаснулась трюку Ульрике и хотела донести до Дитера, что Ульрике манипулирует им, но он отказался слушать «толстую клеветницу» и приказал больше не лезть в его дела.

– Ты напрасилась прийти, какие на этот раз ритуалы?

– Нет ритуалов. Время от времени мне необходимо побыть рядом и получить от Вас указание... Я впотьмах и свет получаю от Ваших слов и Вашего взгляда.

– Девочка, ты же знаешь, как это льстит! Зачем? Мне надоели эти дешёвые при манки от небожителей, никакой фантазии?! Но давай будем взрослыми – о каком взгляде ты говоришь? Который глядит на тебя через стекло бутылки портвейна? О, да, в нем вся мудрость земли, бери, если тебе поможет! Я забыл предложить тебе выпить? Ах, ты не пьешь ... но если я попрошу, ты же выпьешь!

Она склонила голову, и когда подняла глаза, в них было написано, что сделает, как он повелевает. Но даже после двух стаканов, Кэйт не захмелела.

– Если это то, что Вас радует, я буду пить! Вас порадует, если я продолжу пить и дальше?

– Ты же за рулем! Остановись, наконец! Машину оставь тут, возьми такси, а завтра забереешь. Подвезти тебя не могу, сам, как видишь, нетрезвый и злой. Слепому не может помочь слепой! Ну, откуда этот взгляд? Ждешь моих извинений за вино? Не буду, я не принуждал насильно – могла и не пить. Я вот не могу отказать себе, это моя такая прихоть, а ты пила, потому что в тайне хотела, хотя и корчила из себя не понятно что!

У Кэйт покраснелись щеки, это раззадорило Дитера:

– Твоя Ульрике... Она – стерва, не так ли?! Русалки падки на богатеньких, не в силах им отказать, такая у них природа. А ну, объясни, распиши как у вас магнетизм устроен: луна вытягивает вас из воды, а вы что вытягиваете из людей? Вижу, к деньгам не равнодушны. О, как открыто ты смотришь – ты не такая?! Но откуда я знаю? Что ты за мной ходишь? Если ничего не нужно было, разве висела бы на хвосте?

– Мне уйти? Только скажите!

В лице Дитера ощущался прилив густого, едкого чувства, левый край губы повело наверх, лоб сморщился, вот-вот лицо выгнется и зазвенит, как порванная струна.

– Ты надо мной издеваешься? Да откуда это так воняет рыбой? Ну-ка подойди поближе, не от тебя ли?

Он с размаху ударил девушку по щеке, выкрикивая, что это ей за всех на свете русалок. От неожиданности Кэйт отскочила, на покрасневшем лице блеснула обида и испуг. В глазах показались слёзы, с трудом сдерживая себя она проговорила:

– Не стоит верить тому, что Вы в ней видите, выражение ее лица Вам ничего не скажет. Обойдите ее хитрости...

Предупреждения девушки потонули в его кашле, а потом он стал выкрикивать вещи, смысл которых Кэйт был не понятен.

– Ревнуешь русалка? Зачем ты на меня свалилась? Довольно спасителей за мою жизнь! Сволочи хотели меня заморозить в японской халупе, но я живучая скотина, меня не проймешь, и свою волю я бесплатно не отдам! Чего захотели? Если Небеса хотят торговаться, я выставлю высокую цену. Из-за садистских экспериментов я не буду теперь иметь наследников. Ублюдки! Их налог слишком высок, но и взамен я выбью себе что-то не дешёвое. Ты слышишь? Раз тебя ко мне приставили, ты из их числа. Передай им, что я пойду на уступки, только сделавшись...

Не договорив фразы Дитер закашлялся и Кэйт поспешила на кухню за стаканом воды.

Он пытался сказать что-то важное, но правде проходило сквозь алкогольные испарения и дробясь на кашель она сильно искажалась.

– ... Мне нужен тот корабль, «Дракон» со всем грузом. Потом я хочу пожить с десяток лет, я нормальной жизни не видел! Женщину мне тоже нормальную надо, без хвоста. Всё как у людей!

Руками юрист очертил контур особы женского пола, покосился на Кэйт, махнул рукой и снова закашлялся.

– Поняла, что передать? Если нужно подписать контракт – неси, подпишу!

Она попыталась выяснить, кому надо это все передать. Дитер скривил лицо и презрительно покачал головой.

– Не смей мне лгать! Ты моя верующая, или кто? Только идиоты взаправду не понимают, а остальные делают вид. Будь ты дурочкой, они тебя на работу не взяли бы. Так что иди и скажи: «Дракона», лет двадцать пожить в достатке и жену... или не жену, но чтобы пропорциональную. Иди!

Кэйт повернулась к двери и уже стояла на пороге, когда он окликнул.

– Это не все! Мне ещё хочется бессмертие пощупать, прежде всей этой затеи с богатством. В таком именно порядке, не наоборот, а то об золото можно споткнуться.

Не бессмертный

Кэйт отнесла просьбу Дитера к камню в море, за который садится луна. В море она особенная, хотя та же луна светит и для суши. Кэйт показалось, что луна кивнула, что приняла просьбу Дитера и роль русалки-почтальона исполнена. От мысли, что больше ничего делать не надо, Кэйт ощутила непривычное состояние, раскинувшееся на весь мир равновесие, в замен тревог и печалей она почувствовала как получила сокровище, и для всех населяющих землю существ это более чем желанный дар. «Но Ульрике ищет силу и бежит от воды к огню, хочет перепробовать все стихии и закалиться. Ей кажется, что страсть поднимет внутренний огонь. Она повторяла, что устала от воды, и что одной только воды мало, телу русалки надо быть целостным, живым, поэтому твердь и пространство следующие ее цели. Это значило найти соответствующих людей и использовать их.

– Вот если бы кто-то подарил мне бессмертие, мне хочется бескрайнего пространства! Но где сыщешь такую самоотверженную душу?» – два раза задавала она Дитеру вопрос, – Тогда я получу искупление от всего, что сделала не так!»

Девушка вслух пожалела, что Дитер пускает до небес словесные фонтаны, но не способен предложить бессмертие; он не понимает даже где его взять. Юристу стало любопытно, как в точности это ощущается, и не будет это связано с тем, что его тело мумифицируют и через сто лет посетители музея станут пялиться на его поблёкшие черты и гадать, чем же при жизни отличился этот болван.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.